

А. А. ШАЙКИН

«Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле» и народная сказка¹

В русской литературе XV—начала XVI в. появляется ряд переводных и оригинальных произведений, традиционная историчность которых оказывается лишь привычной «внешностью», так как сюжеты в них полностью или во многом вымышлены. Вместе с вторжением вымысла изменяются и другие уровни повествования, образуя в целом новый для древнерусской литературы новеллистический жанр. Преобразования происходят под непосредственным воздействием фольклора, и прежде всего народной сказки, влияние которой было жанрообразующим. Одно из первых новеллистических произведений — «Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле», созданная, как считает М. О. Скрипиль, в начале XVI в.²

События, изображенные в повести, по своему смыслу и масштабу как бы стоят на уровне «исторических»: в ней идет речь о борьбе вероисповеданий («латинской» веры и православия) — она завершается эпизодом низложения и казни несправедливого царя-«законопреступника», — воцарении при всеобщем народном одобрении царя праведного, и восстановления поправленной справедливости. Такие события, совершившись они в жизни, безусловно достойны внесения в летопись или хронику и по своему характеру вполне соответствуют традиционному материалу древнерусских исторических повествований.

Но в действительности героями этих «исторических» событий оказываются безвестный купец и его семилетний сын, — персонажи, менее всего соответствующие традиционным типам исторических деятелей; их врагом — царь, одно имя которого, Несмеян Гордый, заставляет вспомнить не об истории, а о сказках; сами события, несмотря на их внешний «исторический» масштаб, выглядят в повести как случай из жизни купца; странен для исторического повествования способ завоевания престола и города: вместо вооруженной борьбы — отгадывание загадок; необычен и семилетний возраст героя, занимающего царский трон, и т. д. Все это должно было заставить древнерусского читателя усомниться в достовер-

¹ Текст цитируется по изданию: Повесть о Дмитрие Басарге и о сыне его Борзосмысле. Исследование и подготовка текстов М. О. Скрипиля. Л., 1969, II редакция («Киевская»), вариант 1а, стр. 92—97 (далее: Повесть о Басарге). Несмотря на то что первичной является «Антиохийская» редакция (см.: Повесть о Басарге, стр. 52—56; Я. С. Лурье. Повесть о Дмитрие Басарге и его сыне Борзосмысле. — ИОЛЯ, т. XXIX, 1970, стр. 349), этот текст выбирается как наиболее популярный и близкий к сказке.

² Повесть о Басарге, стр. 25—26.

ности рассказываемого — главнейшем условии традиционного исторического произведения. «История не сочиняется, — пишет Д. С. Лихачев. — Сочинение, со средневековой точки зрения, — ложь».³

Более или менее вольная (и сознательная) интерпретация истории могла быть в произведениях XV—XVI вв. («Сказание о князьях владимирских»), продолжал широко привлекаться фольклорный материал (повести о Вавилоне), использовались церковные легенды («Повесть о новгородском белом клобуке»), но достоверность сообщаемого в этих произведениях тем не менее не ставилась под сомнение. Напротив, такое псевдоисторическое сочинение, как «Сказание о князьях владимирских», играло большую роль в политической жизни в качестве документа.⁴

Сложнее в этом отношении обстоит дело с такими произведениями, как «Повесть о Петре и Февронии Муромских», «Повесть о Дракуле», вымышленность которых была в значительной мере явной, открытой. Но и здесь повествование опиралось на какие-то действительные факты, имена.

Фабула «Повести о Басарге» вымышленна полностью, от начала до конца, и вымышленность в ней, как это будет видно из дальнейшего, явно сознательна. Событий, изображаемых в повести, в действительности не происходило. «Доля историчности», допускаемая М. О. Скрипилом для праистории сюжета, рассматривается исследователем как «художественное обобщение многовековой борьбы между Византией и Римом» на малоазиатской территории;⁵ причем «художественное обобщение» это было фольклорного, сказочного типа. Перейдя на русскую почву, сюжет утратил и эту «долю историчности». «Повесть о Басарге» соответствовала только духу отношений русского православия к византийскому,⁶ но никаких реалий под собой не имела. Создание произведения, построенного на заведомо вымышленной основе, могло опираться на существующую литературную традицию в очень малой мере, и скорее даже принципиально противоречило ей.⁷

В устной традиции вымысел использовался шире, но как жанровое свойство был присущ только сказке. Сообщаемое эпосом, с народной точки зрения, достоверно: предания, былички, легенды, сказы «основаны на попытках передать реальность. В действительность рассказываемого, — считает В. Я. Пропп, — народ в этих случаях верит».⁸ Сказка же, напротив, как художественный жанр рождается благодаря вымыслу, вымысел конститутивен для нее, и это хорошо осознается и сказителями, и их аудиторией.⁹

Предшествующие исследователи давно установили фольклорность основных мотивов и ситуаций повести, образов в ней, совпадений с фольклором в стиле.¹⁰ Более того, М. О. Скрипил убедительно показал, что

³ В. Д. Лихачева, Д. С. Лихачев. Художественное наследие Древней Руси и современность. Л., 1971, стр. 58.

⁴ См.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, стр. 110—156.

⁵ Повесть о Басарге, стр. 24—25.

⁶ Там же, стр. 25—27.

⁷ Д. С. Лихачев пишет о древнерусской литературе: «Открытый вымысел не допускается. Все произведения посвящены событиям, которые были, совершились или хотя и не существовали, но всерьез считаются совершившимися» (В. Д. Лихачева, Д. С. Лихачев. Художественное наследие Древней Руси и современность, стр. 57).

⁸ В. Я. Пропп. Жанровый состав русского фольклора. — РЛ, 1969, № 4, стр. 58.

⁹ См.: Э. В. Померанцева. Русская народная сказка. М., 1963, стр. 4—10. Здесь же обзор и библиография вопроса.

¹⁰ Обзор и библиографию изучения «Повести о Басарге» см.: Повесть о Басарге, стр. 3—10.

«праистория сюжета „Повести о Басарге“ и последующая история ее текста связывают ее пути с народно-поэтическим творчеством», и по преимуществу со сказкой.¹¹ Однако это не привело к новому взгляду на жанровую природу повести. Так, показывая на большом материале сказочность всех событийных элементов, исследователь тем не менее считал, что «содержание „Повести о Басарге“, возникшей на основе греческого сказания, вскоре стало восприниматься как действительный случай из жизни купца».¹² Тем самым повесть признается вполне традиционной.

В новейшей монографии «Истоки русской беллетристики» также отмечается, что не только отдельные мотивы и образы, а вся основная сюжетная схема «Повести о Басарге» заимствована из фольклора, рассматривается новаторство автора в изображении персонажей, но вопрос о жанровом новаторстве не ставится.¹³ Подойти к решению этого вопроса способом отыскивания конкретных фольклорных параллелей нельзя, это возможно только на пути сравнения жанровых свойств и категорий.

Категория вымысла — важнейшая художественная категория, отличающая новые жанровые образования от традиционных средневековых, характеризующихся установкой на достоверность. На первый взгляд может показаться, что те или иные мнения о восприятии содержания «Повести о Басарге» как достоверного или вымышленного обречены оставаться в области предположений, так как проверить их каким-либо непосредственным образом невозможно. Но это не так. Жанр представляет собой систему свойств и категорий. Особенность любой системы состоит в том, что все основные ее элементы необходимо должны быть согласованы. В этом убеждает и анализ «Повести о Басарге».

Типы героев — жанровая категория. Жанр определяет тип героя.

В традиционных древнерусских литературных жанрах исторического характера (летописях, воинских повестях, словах, сказаниях и др.) мы не встретим купцов, выступающих в роли покорителей государств. Это дело князей, воевод, но никак не купцов. В эпосе — это дело богатырей. Эпические купцы могут вступать в борьбу с городом (Садко), жениться на княжеских дочерях (Соловей Будимирович), но, какими бы могучими они ни были, царств они не покоряют и не получают. Былина «Глеб Володьевич», которую обычно упоминают и анализируют в связи с сюжетом «Повести о Басарге», своим героем имеет князя Глеба Володьевича, расправляющегося с «еретицей Маринкой», а не купцов-корабельщиков.

В «Повести о Басарге» вершителем «исторических событий» оказывается именно купеческий сын. Несоответствие этого «низкого» героя внешнему масштабу событий очевидно. И тем не менее вопрос о том, почему древнерусский книжник выбрал героем повести купеческого сына, а не князя, не воеводу или боярина, как того требовала традиция, не ставился.¹⁴

Если согласиться с М. О. Скрипилом, что содержание «Повести о Басарге» воспринималось как «действительный случай» и, следовательно, повесть была вполне традиционной, вопрос о «несоответствии героя событиям» не может быть разрешен. В традиционном историческом пове-

¹¹ Там же, стр. 37.

¹² Там же, стр. 27.

¹³ Истоки русской беллетристики. Л., 1970, стр. 374—375.

¹⁴ Предположение М. О. Скрипила, что «купец» появился уже в устном греческом «Сказании о паре латинской веры», на основе которого, по мнению исследователя, была создана «Повесть о Басарге» (см.: Повесть о Басарге, стр. 25), не снимает вопроса, а переводит его в другой план: почему в таком случае купец был сохранен древнерусским книжником, который не мог не сознавать упомянутого несоответствия.

ствовании купеческий герой не может быть вершителем исторических событий, он вообще не может быть собственно героем.

Вопрос о герое может быть решен только в том случае, если допустить сознательное следование автором «Повести о Басарге» не литературной, а сказочной традиции, причем не только в частностях, а в самом типе, т. е. жанре произведения, ибо такие категории, как достоверность—вымысленность, тип героя (исторический, официальный, «высокий») — вымышленный, неофициальный, «низкий»), относятся к числу основных жанровых категорий.

Действительно, сказочный материал «Сказания о царе латинской веры», специфически сказочный характер разрешения основного конфликта в нем (отгадывание загадок) требовали и соответствующего героя. Главный герой «Повести о Басарге» Борзосмысл имеет как бы двойное сказочное амплуа: «мудрого отрока» и «купеческого сына». Первое амплуа, видимо, истинное и основное: оно необходимо для сказочной борьбы с «царем-законопреступником». Второе, вероятно, явилось позднее, для мотивировки плавания по морю. Оно нисколько не противоречило первому, даже, напротив, усиливало его. В русском фольклоре есть характерная группа сказок о «купеческих сыновьях», добывающихся царского трона и брака с царскими дочерьми. Русский автор, которому, по словам М. О. Скрипиля, «бесспорно близко эпическое миропонимание»,¹⁵ мог, таким образом, опираться не только на греческое сказание, но и на родную сказочную традицию, в которой широко представлены и сказки о «мудрых отроках», и сказки о «купеческих сыновьях».¹⁶ Поэтому, если счесть вероятным предположение, что древнерусский автор создавал в «Повести о Басарге» не традиционную историческую повесть, основанную на действительном случае, а сознательно вымышленное произведение с преимущественной ориентацией на сказку, в чем убеждает и ряд последующих наблюдений, вопрос о герое снимается: в этом случае он полностью соответствует характеру складывающегося сказочно-новеллистического жанра. Я. С. Лурье отмечает попытки реалистической конкретизации в изображении героя: «Главный герой „Повести о Басарге“ Борзосмысл, обладая недетской мудростью, оставался при этом все же ребенком: ему вовсе не были присущи, например, то обязательное отвращение к „играм детским“ и „пустошным забавам“ и пристрастие к „духовным делам“, которыми даже в младенческие годы отличались житийные герои».¹⁷ Борзосмысл, в соответствии со своим семилетним возрастом, охотно «скачет» на прутике, воображая себя всадником. «Тако же подобает детям игры творити», — замечает по этому поводу автор.¹⁸

Черты нового жанра и «Повести о Басарге» отчетливо прослеживаются и в характере изображения борьбы и событий. Помимо того, что события, изображаемые в повести, вымышлены, что сами герои и способ их борьбы друг с другом идентичны сказочным, общая интерпретация смысла и целей всего происходящего также отличается своеобразием. Борьба в «Повести о Басарге» является в значительной мере не общественным, не государственным, а личным делом героя. Купец Дмитрий Басарга стре-

¹⁵ Повесть о Басарге, стр. 37.

¹⁶ Сказки о «купеческих сыновьях» см.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. 2. М., 1958, №№ 230—232, 252, 253; аналогично складывается судьба купеческих дочерей: там же, т. 3. М., 1958, №№ 336, 337, см. также №№ 242, 243, 256, 295. Сказки о «мудрых отроках»: там же, т. 2, №№ 241, 247, 257, 259. О Немеяне-царевне см.: там же, № 297. О загадках, связанных с потерей головы и царства см.: там же, т. 3, № 322 (далее: Афанасев).

¹⁷ Истоки русской беллетристики, стр. 377.

¹⁸ Повесть о Басарге, стр. 100.

мится избежать встречи с Несмеяном Гордым и только из-за «охранительных» мер последнего это ему не удастся. Герой оказывается вовлеченным в борьбу поневоле, он выступает как заместитель отца, спасающий его (да и свою) жизнь. Общественный, религиозно-христианский смысл и масштаб изображаемым событиям придается впоследствии (в чем несомненно сказывается влияние книжной традиции), поскольку благополучно разрешается личная судьба героя. Этот личностный характер целей борьбы усиливается и завершается вступлением героя в брак с дочерью убитого царя. Трон и невеста — традиционная сказочная награда герою за борьбу.

История в «Повести о Басарге» обрамляется личной судьбой, семейной тематикой. Эта сугубо новеллистическая интерпретация событий, не свойственная ни древнерусской литературе предшествующего периода,¹⁹ ни героическому эпосу, родственна сказочной. Сказочный герой может совершать любые подвиги, ему случается освобождать города и царства, но при этом основной и конечной целью его борьбы является его собственная, личная судьба. Как писал В. Я. Пропп, «если в эпосе герой побивает змея и тем спасает Киев от бедствия, то сказочный герой побеждает змея, чтобы жениться на освобожденной им девушке».²⁰

Исследуя композицию «Повести о Басарге», М. О. Скрипиль отметил, что «рассказ в отношении архитектоники представляет собою в высшей степени сложное явление. В нем объединено несколько странствующих сюжетов, хорошо известных в народном эпосе Запада и Востока: буря на море, прибывающая корабли купцов к незнакомому городу, где их ожидают опасные приключения; состязание в мудрости между царем и отроком в форме загадывания и отгадывания загадок, и пр.».²¹ При ближайшем рассмотрении характера и последовательности соединения отдельных композиционных элементов в «Повести о Басарге» обнаруживается, что ее «архитектоника» поразительно близка структуре волшебной сказки. Приведем описание композиции повести в терминах, предлагаемых В. Я. Проппом для волшебной сказки.²²

Исходная ситуация: «Бысть неки купец богат зело в Русской земли во граде Киеве, именем Дмитрией».²³

Отлучка: «И некогда прилучися ему отплыти от славного Царяграда».²⁴

Отплытие Дмитрия тождественно отлучке тех сказок, где беда происходит с теми, кто отлучается.

Эпизод «бури на море» мотивирует характерную для сказок случайную и вместе с тем неизбежную встречу героя и антагониста.

¹⁹ Нечто подобное отмечает Д. С. Лихачев и в собственно исторических жанрах XVI в.: «... если раньше, до XVI в., в летописях и исторических повестях князя изображались только постольку, поскольку они вершили эту историю, то теперь, в XVI в., возникает самостоятельный интерес к жизни исторического лица, — интерес настолько сильный, что сама история становится как бы частью его жизни» (Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, стр. 97).

²⁰ Русский героический эпос. Изд. 2-е. М., 1958, стр. 259.

²¹ Повесть о Басарге, стр. 12—13.

²² В. Я. Пропп. Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969, стр. 29—60.

²³ Повесть о Басарге, II редакция («Киевская»), вариант Ia, стр. 92—97. Дальше цитаты по этому тексту в сносках отмечаться не будут. Указания на страницы приводятся в тексте.

²⁴ В вариантах Iv, Iг(M), Iг(Ш), Iг(N), III, IV(Y), IV(C), V, VI и в Усть-Цилемской переработке повести Дмитрий отплывает от «славного града Киева». Варианты II, VII, VIII «Киевской» редакции и III редакция вообще не называют места отплытия. См.: Повесть о Басарге.

Запрет. Прямого запрета в повести нет, но формально ему может соответствовать следующее место: «И рекоша ему граждане: „Бърате купче, единыя веры с нами! Но токмо за наше согрешение послал нам бог царя законопреступника ельлинъския веры, хоцет нас привести к своей вере“».

Дмитрий объединяется здесь с православными, в чем-то согрешившими перед богом, т. е. нарушившими какой-то запрет. Религиозная интерпретация функций запрета и нарушения вполне понятна в книжной повести, посвященной борьбе вероисповеданий. Запрет в повести несколько отдален, но и «сказка обычно упоминает об отлучке сперва, а затем о запрете».²⁵

На этом заканчивается подготовительная часть. Далее следует в р е д и т е л ь с т в о, которым открывается завязка.

Антагонист заточает, задерживает: «Сие же Дмитрей услыша от граждан, возвратися на корабль свой, хотя отплыти от града того. И прииде на корабль свой, ажно на корабле стоят царевы стражи. Таков закас от царя: каков приидет корабль, а царь повелит стражам своим стрещи, дабы прочь не отошел». Сюда же входит и сообщение Несмеяном Гордым своих условий Дмитрию (стр. 93).

О беде сообщается герою: Дмитрий рассказывает об условиях царя своему сыну Борзосмыслу (стр. 93).

Начинающееся противодействие: «Аз, отче, помогу ти! Возверзи на господа печаль твою, и той тя препитает; молися богу, а царевы загатки отгадаю».

Отправка: Борзосмысл с отцом и рабом отправляются к царю (стр. 94).

Борьба. Герой и антагонист вступают в состязание: «Царь же рече детищу: „Где тебе мои загатки отгадать, а я загадываю сему кушцу, а не тебе!“. Отрок же рече: „Аз есмь сего кушца сын, отгадаю загатки за отца своего“».

Далее следует загадывание загадок — трудная задача — и их решение (стр. 94). Отгадывание третьей загадки переходит в наказание врага. Отгадывая эту загадку («чтоб я, поганой, вам, христианом, не съмеялся»), Борзосмысл требует, чтобы Несмеян Гордый передал ему собственноручно все царские регалии и самый трон (по существу — это низложение царя). Когда эти требования выполняются, Борзосмысл обращается к народу с вопросом о вере: «„Попы и дьяконы, князи и бояра! В которого бога хотите веровать?“». Возопиша вси людие: „Хотим веровать во святую Троицу, Отца и Сына и Святаго духа, — помози нам!“. Детище же извлекши меч и отсече главу царю: „То тебе моя третия отгатка, не смеялся б поганой нам, христианом!“». Таким образом, функция решения органически переходит здесь в функцию наказания врага.

Последним и необходимым элементом подобной сказочной структуры является вступление героя в брак и воцарение. По предположению М. О. Скрипиля, «Сказание о царе латинской веры» заканчивалось обезглавливанием Несмеяна Гордого и воцарением отрока.²⁶ Подобные концовки встречаются в народных сказках, но самой распространенной и исконной формой является полная, состоящая из убийства старого царя, воцарения героя и его вступления в брак с дочерью уби-

²⁵ В. Я. Пропп. Морфология сказки, стр. 30.

²⁶ См.: Повесть о Басарге, стр. 36.

того царя.²⁷ Именно так и заканчивает автор «Повести о Басарге» свой рассказ, дописывая, если верна точка зрения М. О. Скрипиля, эпизод женитьбы семилетнего героя на восьмилетней дочери убитого царя (стр. 96). Это лишний раз подтверждает сознательное использование сказочной традиции в «Повести о Басарге».

Далее Борзосмысл вызывает в покоренное царство свою мать и родственников, — мотив, возможно, навеянный христианским благочестием, — но подобные концовки имеются и в народных сказках.²⁸

Композиция произведения не безразлична его жанру. Летописный рассказ, историческая повесть призваны изображать действительные события, поэтому композиция в произведениях этих жанров определяется в значительной мере внехудожественными целями. В соответствии с жанровым назначением она следует действительному ходу изображаемых событий. Интерес к традиционным историческим произведениям обуславливался прежде всего значительностью затрагиваемых тем, важностью исторических событий или деятелей.

Вымышленная повесть с вымышленными и «низкими» героями, естественно, такого внелитературного интереса иметь не могла, она должна была вызывать его сама по себе. Как на одно из важных свойств в этом отношении Я. С. Лурье указывает на «экзотичность» материала «Повести о Басарге».²⁹ Но, по-видимому, дело не в одной только экзотичности. Занимательность, собственно литературный интерес «Повести о Басарге» кроется в особенностях рассказа в целом. Этому служит захватывающий сюжет, острота коллизий, активное сочувствие герою. Внимание читателя привлекается с первых строк; следуя за напряженно развивающимся действием, оно не ослабевает до конца. Таких новеллистически остросюжетных повествований, предельно экономичных во всем, что не касается непосредственно фабулы, древнерусская литература знала немного. Между тем и эти качества сообщаются «Повести о Басарге» ее источником — народной сказкой. Они приходят вместе со сказочной структурой (выявленной выше). В сказке все построено на занимательности, необычности, «экзотичности»; ее сюжет всегда предельно событийен, ничто не задерживает стремительного развития действия.³⁰ Сказка, пожалуй, — наиболее беллетристический жанр фольклора, поэтому она и оказалась способной содействовать рождению новеллистического жанра в литературе.

События, вызвавшие к жизни сюжет, на основе которого создавалась «Повесть о Басарге», относились, по предположению М. О. Скрипиля, к XI—XIII вв. и были связаны с борьбой в малоазийских городах между византийским (православным) и римским (католическим) влиянием.³¹ Между тем в «Повести о Басарге» никаких указаний на давность нет, она создана и осознается как повествование о настоящем, на что с особенной отчетливостью указывают попытки сказовой ее обработки.³² В старшей («Антиохийской») редакции события еще привязаны к конкретному городу — Антиохии, как к одному из наиболее значительных очагов борьбы между Византией и Римом, но в последующих редакциях, начиная со II («Киевской»), Антиохия заменяется «неким градом вели-

²⁷ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 309—319.

²⁸ Афанасьев, т. 2, № 240, стр. 265.

²⁹ Истоки русской беллетристики, стр. 365—366.

³⁰ См. характеристику сказки в этом отношении у В. Я. Проппа: Фольклор и действительность. — РЛ, 1963, № 3, стр. 64—67.

³¹ Повесть о Басарге, стр. 23—25.

³² Там же, II («Киевская») редакция, варианты IV (У), IV (П), IV (Р).

ким»³³ и повествование оказывается свободным и во времени, и в пространстве, что плохо согласуется с традицией исторических произведений, всегда стремящихся точно указать время и место действия. Это «странное» обстоятельство может быть объяснено только сказочной, а не вообще фольклорной, праисторией сюжета «Повести о Басарге».

Героический эпос стремится локализовать место и время действия, относя его в далекое «эпическое прошлое». Другие повествовательные жанры фольклора, всегда связанные с попыткой передать реальность, как писал В. Я. Пропп, также относят свое действие в прошлое, по мере того как отходит в прошлое «передаваемая реальность». Только вымышленное сказочное действие свободно, не закреплено во времени; сказочное обобщение мыслится как вечное и потому равно относится к любому времени, а тем самым — и к настоящему. Действительно, странно было бы предполагать, что сказочный сюжет о борьбе мудрого отрока с царем способом загадывания и отгадывания загадок, бытовавший, как показали В. Андерсон и М. О. Скрипиль, на огромных территориях Востока и Запада задолго до XI в.³⁴ и затем включивший в свое обобщение еще один эпизод, связанный с борьбой между Византией и латинским Западом на малоазиатской территории, сохранил бы о нем особые исторические воспоминания. Сказочное обобщение — предельное обобщение, оно с легкостью продвигается во времени и пространстве, приспосабливаясь к любой действительности. Это доказывает и сюжет, легший в основу «Повести о Басарге». Только благодаря сказочности сказания о царе латинской веры оказались возможными переосмысление его в повесть о случае из жизни русского купца и приурочение к настоящему, к действительности XVI в. Глубокою и тонкою характеристикю этого процесса дал М. О. Скрипиль. «В аспекте нового понимания всего содержания повести, — писал ученый, — по-новому, совсем уже в унисон с самыми злободневными общественно-историческими представлениями начала XVI века, зазвучала передача регалий римского царя (жезла, меча, венца и царской одежды) русскому отроку-царю, и на повесть со сказочно-анекдотической основой упал ясный отблеск важнейших идей эпохи, волновавших русское общество XVI века. Литературный облик повести именно в процессе этой редакции принял вполне законченный вид; и эта новая («Киевская», — А. III.) редакция „Повести о Басарге“ получила широкое распространение в древнерусской литературе».³⁵

Так оказалось, что вымышленная повесть способна служить важнейшим идеологическим заданиям эпохи не хуже, чем традиционные исторические произведения.

Подведем итоги. «Повесть о Басарге», созданная в начале XVI в., обнаруживает черты нового для древнерусской литературы, новеллистического жанра. Черты эти состоят в следующем:

- 1) в сознательной вымышленности содержания;
- 2) в вымышленности и демократизации героев;
- 3) в обрамлении событий рамками индивидуальной судьбы, частной истории;
- 4) в самодовлеющей занимательности, собственно литературном интересе рассказа;
- 5) в интерпретации древнего сюжета как повествования о настоящем, о злободневных идеологических устремлениях эпохи.

³³ Иногда не указывается и место отплытия Дмитрия. См. прим. 24.

³⁴ В. Андерсон. Император и аббат. История одного народного анекдота. Казань, 1916; Повесть о Басарге, стр. 11—26.

³⁵ Повесть о Басарге, стр. 66.

Большинство этих жанровых черт приходит в древнерусскую повесть из народной сказки, при этом они перенимаются не как отвлеченные, формальные качества, а вместе со сказочным материалом. Сложившимися повествовательными принципами, уже не связанными непосредственно со сказкой, они становятся впоследствии, в результате длительной литературной практики. Связи «Повести о Басарге» со сказкой еще настолько сильны и очевидны, что в жанровом отношении ее следует охарактеризовать как сказочно-новеллистическую.

В статье осталась неосвещенной традиционная сторона «Повести о Басарге», так как всесторонняя ее характеристика не входила в наши задачи. Кратко можно отметить, что традиционным в ней является следование крупномасштабной исторической тематике (пусть реализуемой на вымышленной основе), а отсюда отмеченное выше стремление придать сказочной борьбе общерелигиозное и государственное значение.